

ПРОБЛЕМА ЗАПАДА В ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЕВА

П.Н. Гуйван

Проблема Запада занимает значительное место в творчестве В.С.Соловьева. И это неслучайно. Западная культура, философская в частности и особенно, была постоянным предметом его активного внимания, в ее стихии он чувствовал себя как дома, ее языком владел в совершенстве. В Западной Европе В.С.Соловьев бывал неоднократно и продолжительно. С ней связаны важные эпизоды его литературной деятельности. (В письме Александру III он отмечал: "...Всеяческими стеснениями принуждают перенести мою деятельность за границу" [с. 283]. Обращение к Западу, осуществленное в царствование Петра, он считал важнейшим явлением в истории России. Обсуждая насущные проблемы российской жизни, он их решение связывал и с освоением достижений западной культуры.

Эти обстоятельства индивидуально-жизненного порядка, безусловно, важны. Но чтобы вполне уяснить значимость для В.С. Соловьева темы Запада и специфику его подхода к ней, следует взглянуть на нее в общем контексте его философского мировоззрения.

Ключевыми, базисными понятиями философской рефлексии В.С. Соловьева были понятия единства к троичности. Единство, в своей полноте и универсальности представшее как всеединство, понималось им как свободная солидарность самобытностей. В своей логической полноте, равно как и в процессе реализации этой полноты оно триадично. Это, во-первых, исходный момент зародышевой полноты; единство здесь выступает как неразличимость, слитность. Во-вторых, это момент дифференциации, вычленения отдельных составляющих, обретение ими субъектности, самостоятельности. Без этого и до этого единство выступает лишь как потенция, как скрытая сила, сила надежды и устремления. Без различенности, без выявления различающихся самобытностей единство пусто, бессодержательно. И, наконец, в-третьих, единство осуществляется как свободное, гармоническое единение различных и обретших самостоятельность составляющих, т.е. как органическая целостность. Это и есть всеединство. Оно есть все-единство, ибо оно предполагает всех, всю совокупность "каждостей". Целое осуществ-

ляется через самореализацию "каждого", через выявление его внутренней специфичности. Но это есть всеединство, ибо в нем "каждое" существует для целого и лишь в контексте целого, в соотнесенности с другими "каждостями" оно вполне реализует себя.

Эта тройственная ритмика единства характеризует, по В.С.Соловьеву, бытие в его абсолютности, в его божественном начале. И потому она (тройственная ритмика единства) задает программу, определяет структурную развернутость и целевую ориентацию мирового процесса в его космогоническом и историческом осуществлении. В контексте проблемы Запада в философии В.С.Соловьева специального внимания заслуживает его понимание истории человечества. Это самостоятельная и большая тема, привлекавшая внимание многих авторов (см., например: 10, гл. 11; 12, гл. "Владимир Соловьев"; 13, с.257-276). Мы отметим штриховым образом лишь некоторые ее моменты, непосредственно касающиеся нашей темы.

Человечество В.С.Соловьев мыслит как единый, собирательный организм. Он структурирует этот организм в двух планах, выделяя, "во-первых, составные его части - племена и народы и, во-вторых, известные образующие системы или формы человеческого существования, принадлежащие всему человечеству во всех его частях, как необходимые для его органической жизни" [2, с.187]. Племена и народы как части всечеловеческого организма обладают каждое и каждый своеобразием и самобытностью и потому сами являются организмами. Но подлинная реальность и смысл их бытия - участие в жизнедеятельности всечеловеческого организма, исполнение в нем определенной роли в соотнесении и кооперации с другими. В этой связи В.С.Соловьев ведет речь о всемирно-исторической роли отдельных народов, государств, цивилизаций, о разделении исторического труда [см., например, 3, с.26, 168; 9а, с.220]. В этой же связи он критикует различные формы национальной, культурно-исторической, цивилизационной ограниченности. Смысл последней он видит в том, что локально-исторические, локально-культурные и этнические особенности понимаются как нечто самодовлеющее и самоценное. И тогда

они предстают как ограниченность, как отделенность от общечеловеческого дела, как самозамкнутость, ведущая к окостенению и потере себя.

Что касается структурной оформленности человеческого процесса жизни, то здесь надо отметить важную для В.С.Соловьева мысль о совмещения в человеке, в разных соотношениях и с разной акцентировкой, трех моментов: божественного, природного и собственно человеческого [см. 3, с. 111, 113; 4, с. 125-128]. Соответственно трем началам человеческой природы (воля, мышление, чувство) В.С.Соловьев выделяет три сферы общественной жизни, в каждой из которых, в свою очередь, выделяются три ступени, или степени. Во-первых, это сфера воли, общественной организации. Ее предмет - благо. Восходящими ее ступенями являются экономическое общество, политическое общество или государство и духовное общество или церковь. Во-вторых, это сфера разума, познания. Ее предмет - истина, а ступени - положительная наука, отвлеченная философия и теология. И, наконец, сфера чувства, имеющая предметом красоту. Ее ступени: техническое искусство, изящное искусство (искусство) и мистика. Значимым в соловьевском историософском дискурсе является выделение религиозного, политического и пророческого моментов человеческой жизни, священнического, царского и пророческого служения [см. 9, с. 282-286 ;9а,с.241-244]. Человечество как единый, собирательный организм есть для В.С.Соловьева субъект истории, а история есть единый преемственно осуществляющийся процесс развития человечества. Для нас важно сейчас обратить внимание на два момента понимания истории В.С.Соловьевым.

Во-первых, это его видение этапов исторического развития. Согласно своей коренной методологической идее о тройственной ритмике единства Соловьев выделяет три периода человеческой истории. Для первого характерна "слитность или необособленность всех сфер и степеней общественной жизни" [2, с.200]. Второй период - это время дифференциации, прогрессирующего расчленения и обособления различных сфер и степеней человеческого существования. И, наконец, в третьем, окончательном фазисе исторического развития все сферы и степени человеческого существования "должны будут образовывать органическое целое, единое в своей основе и цели и множественноцельное в своих органах и членах" [2, с.230].

Во-вторых, история для В.С.Соловьева есть момент и звено в диалектике божественного триединства; она есть процесс богочеловеческий. История богочеловечна, ибо она есть соучастие бога в историческом процессе. Это соучастие осуществляется не как внешнее воздействие на исторический процесс человеческой жизни запредельной для него силы, а как воплощение этой силы в явлениях человеческой жизни, во всех ее сферах и степенях. "Пока наш мир, - пишет В.С.Соловьев, - сам не хочет быть царством Божиим, до тех пор Бог и не царствует в нем ..." [4, с. 145]. И для В.С.Соловьева существенным является вопрос об этапах, формах и способах соединения божественного и человеческого в историческом процессе жизни, воплощения в жизни божественного начала. Он ведет речь о ступенях божественного откровения (естественном откровении, отрицательном и положительном откровении) [3, с.46], о трех формах выражения всемогущества бога (для раба природы - жертва и страх, для созерцателя - свет мира, для нравственного человека - свободное отдавание) [4, с.169-170]. В этом же ключе его рассуждения о трех способах испытания божественного начала отпавшим от него человеком: как подавляющего, как просвещающего и как перерождающего [4, с. 200-201]. Или сюжет о трояком богочеловеческом соединении: священническом (храм), царском (государство) и пророческом (совершенное христианское общество) [7, с. 340-341].

Сверхзадачей, высочайшей и конечной целью богочеловеческого процесса истории является достижение цельной жизни, т.е. такой жизни, в которой осуществляется целостность и полнота всех ее моментов и в которой достигается подлинное и живое общение с абсолютом, божественным началом. Свою современность В.С.Соловьев воспринимал как эпоху, когда движение к органической целостности жизни и полноте богочеловеческого единства предстало как насущная жизненно-практическая задача. И в этой связи еще один аспект философско-исторической рефлексии В.С.Соловьева заслуживает внимания. Философия не замкнута в себе. Она внутренне соотносится с действительностью, с жизнью в ее непосредственном осуществлении. Отправляясь от действительности как данного, она стремится понять, объяснить, осмыслить ее. Такова родовая характеристика философии, и в философских размышлениях В.С.Соловьева она наличествует в полной мере. Особенность В.С.Соловьева здесь

в том, что он эту грань философии делает предметом своего внимания, подвергает рефлексии. "Но в философии по существу ее, - пишет он в своей магистерской диссертации, - данная действительность есть именно то, что должно быть объяснено или выведено - задача для разрешения, а никак не предположение"[1, с. 20].

Но наличная действительность в ее эмпирической, жизненно непосредственной данности не удовлетворяла В.С.Соловьева. "Разум и совесть обличают нашу обычную смертную жизнь как дурную и несостоятельную..." [4, с. 122]. А.Ф.Лосев отмечает, что "Вл. Соловьев никогда не мог удовлетвориться окружающей действительностью... всегда старался вырваться из ее оков..." [12, с.674]. Этим определялся общий духовно-психический фон его теоретизирования, его стремление понять наличную жизнь как преходящий момент, как выражение завершения акта всемирно-исторической драмы. У А.Ф. Лосева читаем на этот счет: "Однако у этого вечного недовольства окружающим и из этого постоянного страстного стремления преодолеть несовершенства окружающей жизни сама собой вытекает еще одна идея, которая может с полным правом считаться для Вл. Соловьева окончательной, итоговой, заключительной. Это - то, что можно назвать философией конца" [12, с. 675]. А.Ф.Лосев соотносит соловьевское умозрение в духе "философии конца" с обострением пессимистического восприятия мыслителем своей жизни и перспектив истории незадолго до его смертного часа. Но установка в духе "философии конца" может быть рассмотрена и в более широком контексте. Неудовлетворительность существующего была для В.С. Соловьева свидетельством завершения определенного цикла, акта всемирно-исторической драмы человечества. И в этом смысле конец есть предпосылка и начало (во всяком случае - требование начала) нового цикла, цикла движения к цельной жизни. Это движение может осуществляться в реальной жизни, в материале ее фактичности. И при всей неудовлетворительности существующего В.С. Соловьев в нем стремится найти те факты, формы, структуры, в которых можно увидеть достижения в движении к цельной жизни и факторы надежды на светлое будущее. Это нашло отражение в философских изысканиях В.С. Соловьева, в его публицистическом творчестве, в его теократической утопии. Пессимистическое завершение творчества мыслителя было выражением того, что те факты и

явления жизни, в которых он хотел видеть опорные точки восходящего движения, не оправдали его надежд. Стихия жизни в ее непосредственном течении оказалась плохо поддаваемой для логики богочеловеческого движения.

В своем понимании отношения божества к миру В.С.Соловьев стремился найти путь между "безразличным монизмом и монолизмом", с одной стороны, и "ограниченным дуализмом, который, разделяя безусловно первые начала бытия, превращает мир и природу в мертвую машину, а из божества и духа делает какие-то импотентные призраки" [2, с.391], с другой стороны. Глубокий пессимизм, которым завершилось его творчество, есть свидетельство того, что решить эту задачу ему не удалось.

После несколько затянувшегося теоретико-методологического введения по характеристике общего контекста и категориальных оснований подхода В.С.Соловьева к теме Запада перейдем к проблемно-содержательному ее обзору.

Запад для В.С.Соловьева не есть нечто самодостаточное и в себе замкнутое, что может быть рассматриваемо и понимаемо само по себе. Он его рассматривает как составляющую всечеловеческого собирательного организма и как определенный этап в историческом процессе его развития. Различие этих способов рассмотрения Запада В.С. Соловьевым достаточно относительно и условно. Но оно имеет определенный резон и заслуживает быть проведенным. Что касается первого способа, он привлек к себе внимание ряда исследователей [см., например, 11, с.126-132]. Что касается второго способа, то он не стал предметом специального внимания и анализа. И далее мы остановимся на нем подробнее.

Проблему Запада В.С.Соловьев рассматривает в контексте понимания истории как богочеловеческого процесса, соотношения в ней божественного и человеческого начал. Это сквозной сюжет в творчестве В.С.Соловьева. Специальным образом он рассматривается в цикле его статей "Великий спор и христианская политика" [см.5]. Восток и Запад представляются как вечные начала человеческой жизни, через отношение и борьбу которых двигалась история. Главная установка Востока - подчинение человека сверхчеловеческой силе. Восток искал совершенного бога, пред которым мог бы самозабвенно склониться человек. Главная установка Запада - самостоятельность человека.

Запад искал совершенного и самодостаточного в своем совершенстве человека. В своих односторонностях они приходят к крайностям. Восточный мир "уничтожает самостоятельность человека и утверждает только бесчеловечного бога... Западная цивилизация стремится, прежде всего, к исключительному утверждению безбожного человека, т.е. человека, взятого в своей наружной, поверхностной отдельности и действительности..." [2, с. 223].

Итак, бесчеловечный бог, с одной стороны, и безбожный человек, с другой - это тупик, это конец (вспомним рассуждение А.Ф. Лосева о "философии конца"). Но конец не абсолютный, а как исчерпанность сюжетного цикла истории. Возникновение христианства В.С.Соловьевым рассматривается как поворотный пункт всемирной истории. Христос - это совершенный бог в образе совершенного человека, это воплощение того пути, по которому человечество может прийти к полноте и цельности жизни. Однако движение по этому пути оказалось драматичным и даже трагичным. В самом христианстве произошел раскол на западное христианство, католичество, и восточное христианство, православие. И вновь односторонности, тяготеющие к крайностям.

Восток, полагает В.С.Соловьев, "сохранил истину Христову; но, храня ее в душе своих народов, Восточная церковь не осуществила ее в внешней действительности, не дала ее реального выражения, не создала христианской культуры, как Запад создал культуру антихристианскую" [3, с.167]. Восток, таким образом, сохраняя великую истину, не сумел реализовать ее в жизни, развернуть ее как христианскую культуру. Запад же, развернув достаточно полный ряд жизненно-технологических форм, выявив и реализовав специфику основных элементов жизни, утратил христианскую истину. Его культура оказалась антихристианской. С Французской революции "ясно обозначился существенный характер западной цивилизации как внерелигиозной, как попытки построить здание вселенской культуры, организовать человечество на чисто мирских, внешних началах..." [3, с.7]. Опять "конец", опять исчерпанность сюжетного цикла истории и поиск начала. И в этой связи рассуждения В.С.Соловьева об особом положении и роли России, его теократическая утопия. Но это уже отдельная тема, которой мы сейчас касаться не имеем возможности.

И еще один момент в рассуждениях В.С. Соловьева на тему Запада. В его статье

"Китай и Европа" читаем: "Противоположность двух культур - китайской и европейской - сводится, в сущности, к противоположности двух общих идей: порядка, с одной стороны, и прогресса, с другой, С точки зрения порядка важнее всего прочность социальных отношений, идея прогресса требует их идеального совершенства. Прочный порядок есть состояние, которое держится силой прошлого, прогрессивное совершенствование есть деятельность, определяемая идеалом будущего. Что Китай достиг прочного порядка - это несомненно. Насколько европейский прогресс ведет к совершенству - вот вопрос" [8, с. 404]. Ограниченность и односторонность европейского прогресса В.С. Соловьев видит в том, что он есть непрерывный разрыв с прошлым. Прошное для него не имеет никакой цены, оно ничтожно перед новым, каковое также обрекается на ничтожество перед дальнейшими новообразованиями. Все течет, все относительно, движение - все, конечная цель - ничто, если воспользоваться формулой Э. Бернштейна. Но тогда и будущее оказывается ничтожным, оно нечто вроде горизонта - всегда впереди, в недостижимости, никак не связанное с прошедшим. Эта релятивистская крайность породила китаистского типа реакцию: абсолютизация и замыкание в прошлом, отпадение от общечеловеческого дела и уход в свою ограниченность. Выход, по В.С. Соловьеву, - в гармонизации идей прогресса и порядка, ибо "истинный прогресс есть прогресс порядка", есть опора на прошлое и продолжение прошлого.

Завершая этот сюжет в разработке В.С. Соловьевым темы Запада, подчеркнем еще раз, что Запад для него есть необходимый момент, необходимое начало человеческой жизни в ее исторической динамике. Это начало человеческой самостоятельности и свободы, начало культурно-деятельное и жизненно-продуктивное, это устремленность к будущему. Будучи необходимым, оно не исчерпывает полноты жизни и в своей односторонности ведет к крайностям, порождает угрозы, которые могут преодолеваться и преодолевались через дополнение и соединение с его противоположностью - Востоком. В строгом смысле В.С. Соловьев западником никогда не был, но евро- и западнцентристские мотивы в его творчестве определенное место имели. Это, в частности, проявляется в том, что при всем подчеркивании им соотносительности Запада и Востока Западу отводится, скорее, ведущая роль. Запад воплощает энергетику истории, ее деятельно-

созидательное начало, тогда как Восток - это сила хранительная и ограничительная. Еще более это (евро-центристские мотивы) сказывается, когда В.С. Соловьев обсуждает современные проблемы соотношения Европы и нехристианского Востока, в частности и особенно Китая.

Запад для В.С. Соловьева есть реализация второго периода истории, когда совершается переход от нерасчлененного единства всех составляющих жизни к их обособлению, к выделению сфер жизни с доминированием в каждой из них низшей ступени, или степени. Этот сюжет В.С. Соловьев развивает в работе "Философские начала цельного знания": "... для общечеловеческого сознания первоначальная слитность была решительно и в самом корне потрясена только с появлением христианства, когда впервые принципиально отделилось *sacrum* от *profanum*. И в этом отношении, как нанесшее окончательный удар невольному единству, христианство является началом настоящей свободы" [2, с. 202]. И в полной мере этот идущий от христианства стимул свободы проявился в западном развитии.

В сфере организационно-волевой происходит обособление ее ступеней: церковной, государственной и экономической. Формируется мощный организм римской католической церкви. В трудном соотношении и борьбе с ней, при опоре на народно-земский элемент, складываются абсолютные монархии. В борьбе народа и земства против абсолютной церкви и абсолютной монархии формируется то, что на современном языке может быть названо гражданским обществом. Для него характерно распадение на противостоящие враждебные классы, а затем на враждебные личности. "Общественный организм Запада, разделившись сначала на частные организмы, исключаящие друг друга, должен, наконец, раздробиться на последние элементы, на атомы общества, то есть на отдельные лица, и эгоизм корпоративный и кастовый должен перейти в эгоизм личный" [2, с. 210]. Индивидуализм, свобода, демократия оказались сопряженными с жестоким экономическим неравенством и обездоленностью значительной части общества, с властью плутократии, с нарастающей усредненностью и обезличенностью людей. Вопрос материальный, вопрос экономического неравенства и путей его преодоления стал одним из центральных, что получило свое выражение в социализме.

В сфере разумно-познавательной шел того же рода процесс. Восставший против господствующей веры разум провозгласил свой суверенитет и проявил себя в блестящем развитии новоевропейской философии. Но разум сам по себе есть лишь средство, форма движения определенного содержания. И когда замкнувшийся на себя разум выявил всю полноту своего формального бытия, он столкнулся с пустотой. Тоска по содержанию (если воспользоваться выражением К. Маркса, который в своем критическом анализе философии Гегеля писал: "Мистическое чувство, которое гонит философа из области абстрактного мышления в сферу созерцания, это - скука, тоска по содержанию" [115, с.172]) привела к выдвиганию на первый план эмпирической, положительной науки, что нашло свое выражение в позитивизме.

И, наконец, в сфере художественно-эстетической совершалось движение от преобладания мистического начала в средние века через блестящее развитие изящного искусства начиная с эпохи Возрождения к преобладанию искусства технически утилитарного. Два момента в западном цикле истории человечества значимы для В.С. Соловьева. Во-первых, тенденция дифференциации, плюрализации жизни. В противоположность Востоку для Запада характерно постоянное стремление "жертвовать абсолютным внутренним единством множественности форм и индивидуальных характеров, так что там люди не могут иначе понять единство, как только внешний порядок, основанный на традиционном авторитете (будь то папа или Библия), или на формальной силе закона (будь то конституционная хартия или *suffrage universel*), таков характер западной религии и церкви, западной философии и государства, западной науки и общества" [2, с.300]. Во-вторых, доминирование, в итоге развертывания этой тенденции, в каждой сфере жизни низшей ступени или степени. "Итак, - пишет В.С. Соловьев, - экономический социализм в области общественной, позитивизм в области знания и утилитарный реализм в сфере творчества - вот последнее слово западной цивилизации" [2, с.220]. Но это не последнее слово человеческой истории. Предстоит еще третий фазис всемирной истории, для которого Запад приготовил важный материал. Осуществленная в западной истории десакрализация жизни способствовала развитию человеческого начала во всех его аспектах, культурной его выраженности и оформленности. "Отсюда виден великий смысл отрица-

тельного западного развития, великое назначение западной цивилизации. Она представляет полное и последовательное отпадение человеческих природных сил от божественного начала, исключительное самоутверждение их, стремление на самих себе основать здание всемирной культуры. Через несостоятельность и роковой неуспех этого стремления является самоотрицание, самоотрицание же приводит к свободному воссоединению с божественным началом" [3, с.15]. Но это свободное воссоединение есть задача, ждущая и требующая своего решения. Но чтобы это решение могло начаться, В.С. Соловьев ищет (и это один из ведущих мотивов его творчества) в жизни Запада и за его пределами те факты и явления, которые могли быть знаками надежды и точками опоры.

Обзор соображений В.С. Соловьева о Западе как фазисе или акте всемирно-исторической драмы не может быть сколь-нибудь полным без учета одного любопытного сюжета, развиваемого им в "Чтениях о богочеловечестве" (чтения одиннадцатое и двенадцатое). Сюжет этот основан на использовании евангельского сказания об искушениях, которым подвергался во время своего сорокадневного уединения в пустыне Христос. Здесь есть, вероятно, перекличка с легендой о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского в его романе "Братья Карамазовы". Но Достоевский использовал искушения для характеристики оснований и схем деятельности католической церкви как по сути антихристианских. У В.С. Соловьева же сюжет с искушениями используется как средство, способ характеристики "отрицательного западного развития" в целом.

Христос как богочеловеческая личность есть "сознание границ природного существования и сознание своей божественной сущности и силы. Богочеловек может подвергаться искушению сделать свою божественную силу средством для целей, вытекающих из этой ограниченности" [3, с.158]. Смысл искушения - побудить, или побудиться, к тому, чтобы высшее сделать средством для низшего и, тем самым, впасть в грех. И Христос подвергается искушению плоти (сделать божественную силу средством для материального блага); затем искушению личного самоутверждения (использовать божественную силу для удовлетворения гордости, питаемой самонадеянным разумом); наконец, искушению власти (сделать божественную силу средством насилия и принуждения людей к послушанию, к поклонению высшей истине).

Парадоксальность искушений в том, что в них высшая, божественная энергия направляется на активизацию низших энергий (плотское вожделение, горделивость самонадеянного ума, власть), дабы использовать эти последние как средства принуждения к высшей истине, к признанию божественного начала. В результате божественная сила оказывается средством самоуничтожения, выявления своего бессилия.

Христос преодолевает искушения злого начала и осуществляет добровольное и свободное подчинение личного, человеческого начала божественному. Но совершенный им подвиг должен быть реализован в историческом процессе человечества, чтобы стать принципом его жизни. И "часть человечества действительно подпадает искушениям злого начала и только собственным опытом убеждается в ложности путей, заранее отвергнутых совестью Богочеловека" [3, с.161].

Соответственно трем необходимым моментам человеческой природы (дух, ум, чувственная душа) трояким оказывается и искушение, которому подвергается европейская часть человечества, правда, в обратном порядке, чем это имело место у Христа.

Первым является грех духа, порожденный тем, что римская католическая церковь подпала искушению религиозного властолюбия и "увлекла за собою большинство западного человечества в первый великий период его исторической жизни - средние века" [3, с. 162]. Суть дела здесь в том, что средством осуществления христовой истины стали насилие и обман, так что люди покоряются не Христу, а церкви. "Здесь христианская вера оказывается случайной формой, а суть и цель полагается во владычестве иерархии..." [3, с.163].

Протестом против этого стало протестантство (да простится мне этот неловкий каламбур), которое во главу угла поставило личное отношение человека к богу. Протестантство, стимулируя личную активность человека, способствовало культивированию самоуверенности человеческого разума, его горделивому самомнению. "...И западное человечество в протестантстве и вышедшем из него рационализме подпало второму искушению. Но ложность этого пути скоро обнаружилась, обнаружилась в резком противоречии между чрезмерными притязаниями разума и его действительным бессилием" [3, с.164]. Выражением этого были, по мнению В.С. Соловьева, французская революция и германская философия.

"Ложность этого пути, изведенная на опыте, была признана западным человечеством, но оно освободилось от него только для того, чтобы подпасть третьему, последнему искушению [3, с.165]. Это искушение материального начала, демонстрацией чего стали социализм и эмпиризм.

В заключение сюжета с искушениями, определившими, по его мнению, направленность и общую ритмику западной истории, В.С. Соловьев пишет: "...Изведав на опыте ложность трех широких путей, испытав обманчивость, трех великих искушений - западное человечество рано или поздно должно обратиться к богочеловеческой истине. Откуда же и в какой форме явится теперь эта истина? [3, с.166]. Но это уже вопрос об особом положении и особой роли, которую может сыграть Россия.

Завершая рассмотрение темы Запада в философском творчестве В.С. Соловьева, на несколько моментов стоит обратить внимание. Запад есть значимый, существенный предмет философско-исторической рефлексии В.С.Соловьева. Обсуждая этот предмет, он использует богатый арсенал духовнотеоретических средств: философскую диалектику; христианский универсализм, на языке которого он проговаривает идею всемирно-исторической целостности человечества; установку на синтез трансцендентности и имманентности в понимании истории; евангельские сюжеты и образы. Он продемонстрировал мастерское, виртуозное владение искусством диалектикологического схематизирования в стремлении понять специфику и место Запада в структуре человеческой жизни, в процессе ее исторического развития. Испытывая глубокие симпатии к Западу, высоко оценивая результативность западной цивилизации, В.С. Соловьев был далек от того, чтобы видеть в Западе "конец истории" (имея в виду смысл, в котором этот оборот употребил Фукуяма), некую универсальную завершающую схему устройства человеческой жизни. Осмысливая противоречия и результаты исторического развития, всматриваясь в напряжения и проблемы своего времени, В.С. Соловьев сознает, что Запад глубоко противоречив, что необходимым аспектом его динамичного исторического развития является нарастание проблемности (вплоть до проблематичности) жизни. Оборачивание в структуре жизненного процесса целей и средств; расчленение жизни на все более дробные составляющие, каждая из которых достигает технологической виртуозности, но

при этом целое жизни заменяется механическим единством самодовлеющих частных; рост свободы и индивидуализма, который сопрягается с нарастанием унылой серости и всеобщего опошления, - эти тенденции западной жизни были В.С. Соловьевым замечены, стали предметом его напряженного размышления. В них он увидел выражение ограниченности Запада, стимул для поисков иной перспективы человеческого развития.

И в этом отношении В.С. Соловьев сегодня необыкновенно современен. На языке своего философствования он выявил и выговорил те проблемы и тенденции, которые в наше время не только не исчезли, но проявились еще с большей остротой. И потому для каждого, кто серьезно размышляет над проблемами и перспективами нашей жизни, В.С. Соловьев не может не быть интересным и полезным собеседником.

Литература

1. Соловьев В.С. Кризис западной философии //Владимир Соловьев. Философское начало цельного знания. - Минск: Харверст, 1999.
2. Соловьев В.С. Философское начало цельного знания //Там же.
3. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве //В.С.Соловьев. Соч. в 2 т. Т.2. - М.: Изд. Правда, 1989.
4. Соловьев В.С. Духовные основы жизни //В.С. Соловьев. Избран. пр., Ростов-на Дону: Феникс, 1998.
5. Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика// В.С.Соловьев. Соч. в 2 т. Т.1. - М.: Изд. Правда, 1989.
6. Соловьев В.С. Письмо императору Александру III. - Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т.2. - М.: Изд. Правда, 1989.
7. Соловьев В.С. Из Философии истории //Там же.
8. Соловьев В.С. Китай и Европа //Соловьев В.С. Избран. пр.
9. Соловьев В.С. Оправдание добра //Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т.1. - М.: Правда, 1988.
- 9а. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т.1. - М.: Правда, 1989.
10. Соловьев В.С. Русская идея //Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т.2. - М.: Правда, 1989.
11. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.2. - Ростов-на-Дону:Феникс, 1999.
12. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. - М.: Республика, 1997.
13. Лосский И.О. История русской философии. - М., 1991.
14. Новикова Л.И., Сиземская И.И. Русская философия истории. - М.: Аспект-Пресс, 1999.
15. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. //Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т.42. - М.: Политиздат, 1974.

П.Н. ГУЙВАН